

Ф. Д. Нефедов

ДВИЖЕНИЕ СРЕДИ БАШКИР ПЕРЕД ПУГАЧЕВСКИМ БУНТОМ. САЛАВАТ, БАШКИРСКИЙ БАТЫР*

(1880 г.)

Оригинал здесь: [Башкиры](#).

I.

Белым саваном оделись горы и степи Башкирии; замерли в ледяных оковах зимы прекрасные реки, звонкоголосые ручьи шумные потоки. Занесло снегами аулы, и только минареты одних мечетей выделяются на беспредельно широком и свинцовом фоне... Везде и на всем печать мертвого покоя и величавого уныния.

Но вот, в стороне, что-то задымилось и живым существом несется прямо на вас, ежеминутно растет и расширяется... В воздухе уже свист и гул... Еще минута -- и пропал из глаз последний минарет, кругом все замутилось и слилось... То наступило царство бурана! Тысячами голосов наполнилась доселе глубоко безмолвная пустыня; как будто стоны, проклятия и предсмертные вздохи погибающих слышатся в этом страшном хоре... Буран владевает по всей степи, врывается в самые ущелья гор и хохочет, и поет там какую-то бесконечно адскую песню. По аулам, притаившимся у подошв испуганных гор, в юртах трясутся от страха дети, и башкирка-мать шепчет молитву.

-- Ай-ай! Как шайтан разгулялся,-- сдержанно и боязливо переговариваются в убогих избенках.-- Беда, ежели кто теперь едет мимо Шайтан-Соре: умереть можно!

Над аулом опустилась ночь. На улице нигде ни души, ни звука; даже лай собак не услышишь. Лишь по-прежнему, но еще грознее, еще бешенее ревет буран; в снежных вихрях его не отличишь в двух шагах жилья человеческого. Аул спит или кажется спящим: только в одной юрте, сквозь брюхавицу, заменяющую стекла, в маленьких, прорубленных в стене окошках тускло светится огонек.

Заглянем в юрту.

Топится чувал. По стенам развешаны стрелы, луки и конская сбруя; на нарах, покрытых узорчатым войлоком, сидят, подогнувши под себя ноги и прислонясь спиною к подушкам, старики и пожилые башкиры; на полу, устланном также войлоком, разместились молодые парни. У чувала стоит башкир в бешмете и шапке. Это курайчи -- музыкант и певец. Он играет на своей чибизге песни о деяниях старины и подвигах народных героев. Пред слушателями постепенно проходит ряд батырей: Алиша Маузимов, поднявший башкир в 1740 году; Бахтияр, степным орлом летавший по башкирской земле, степям киргизским и становищам неверных; Казирман -- гроза Урусов; Абутал и другие славные батыры и герои.

-- Якши, бик якши**,-- раздается порою между слушателями.-- Добрые были батыры, славные батыры.

Курайчи остановился, перевел дух и снова приложил к губам чибизгу. И полилась опять песня, грустная и глубоко-печальная песня: та песня о Салавате.

Ярко пышут в чувале дрова, пламя обливает светом смуглые лица присутствующих; с затаенным дыханием и какой-то особенной сосредоточенностью внимают слушатели звукам песни. А песня чем дальше, тем все грустнее, все печальнее. Омрачились лица молодых слушателей, и слезы заструились по изрытым морщинами щекам стариков.

Но кто же был Салават?

Салават -- личность историческая; его имя тесно связано с смутным временем пугачевщины. Пушкин, в своей "Истории пугачёвского бунта", говорит о "свирепом" башкире Салавате и его отце Юлае; позднейшие исследователи новой эпохи русской истории также упоминают о Салавате; о нем сообщают, время от времени, сведения наши исторические журналы; его почтили вниманием и современные романисты... Но, несмотря на видимое обилие литературного материала, личность башкирского героя осталась неопределенною; он выступает с одной, так сказать, внешней стороны, т.е. как бунтовщик и мятежник; но чем был Салават как человек, и какие мотивы руководили им в его "свирепой" деятельности, мы не знаем и можем разве только догадываться... Новые факты, извлеченные нами из официального источника, а равно предания, рассказы и песни самих башкир помогут нам ближе